

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ
И МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.А. ГУЛЕВИЧ

Изложены результаты эмпирического исследования системы социальных представлений о преступлениях, существующих у российских респондентов. На первом этапе исследования с помощью метода анкетирования изучались содержание и структура этих представлений, передающихся в ходе межличностной коммуникации: обыденное определение «преступления вообще», типы поступков, которые респонденты оценивают как преступления, оценка серьезности и прототипичности разных преступлений, а также скрипты убийства. На втором этапе исследования с помощью контент-анализа были проанализированы скрипты убийств, содержащиеся в телевизионных криминальных новостях.

Ключевые слова: социальные представления, скрипты преступлений, массовая коммуникация, межличностная коммуникация, правосознание.

Систематический интерес к изучению правосознания возник в первых декадах XX в. В настоящее время изучение правосознания идет по таким направлениям, как оценка серьезности преступления ([18], [30], [31]), страх перед преступлениями ([11], [14]), социальные установки по отношению к преступникам и преступлениям ([2], [9], [15], [18], [32]), наказанию ([6], [10]), закону и правам человека ([7], [12]), а также к полиции и судьям [3], [19].

Измеряя социальные установки по отношению к преступлениям, исследователи иногда используют определения преступлений, сформулированные в законе, а иногда ссылаются только на названия преступлений, но не на их определения. Вполне вероятно, что во втором случае социальные установки по отношению к преступлениям основываются на определениях преступных ак-

тов, данных самими респондентами и не совпадающих с теми, которые используют юристы [6].

Очевидно, поэтому ряд эмпирических исследований, проведенных в последние годы, затрагивает те или иные стороны *обыденных представлений* о преступлениях [18]. Однако эти исследования, как правило, связаны с изучением лишь некоторых аспектов данных представлений, а не системы представлений о преступлениях как целого. В частности, типичное исследование отношения к преступлениям включает оценку различных преступлений (убийств, краж, ограблений, хулиганства) по нескольким отдельным параметрам (серьезности, нанесению физического, психологического и материального ущерба), но его результаты редко позволяют понять, каким образом разные параметры оценки и описания преступлений связаны друг с другом.

Актуальность изучения обыденных представлений о преступлениях определяется не только сложностью структуры таких представлений, но и их культурной специфичностью. На протяжении последнего десятилетия было проведено несколько соответствующих кросс-культурных исследований с участием граждан России, Франции и США [4], [7]. Однако, чтобы кросс-культурное сравнение было более полным, имеет смысл выявлять обусловленные культурой различия не между отдельными аспектами таких представлений, а между целыми системами социальных представлений о преступлениях. Для этого надо изучить особенности данных систем в разных культурах. Общей целью нашего исследования стал анализ системы обыденных представлений о преступлениях у российских респондентов. Теоретической основой исследования послужила теория социальных представлений [21], [22].

Под социальными представлениями понимается система обыденных знаний, использующихся людьми в ходе повседневной коммуникации [13]. В противовес понятию социальной установки, которое обычно используется в подобных исследованиях, в теории социальных представлений постулируются два принципиальных свойства этих представлений: они являются групповым феноменом, имеющим сложную структуру.

Социальные представления возникают и распространяются в ходе повседневного общения по каналам как межличностной, так и массовой коммуникации [17], [27]. С одной стороны, общения, передающиеся по каналам средств массовой информации (СМИ), являются источником представлений о преступлениях, которые воспроизводятся людьми в ходе межличностной коммуникации. С другой стороны, чтобы быть принятым аудиторией, содержание этих сообщений должно хотя бы частично соответствовать системе представлений о преступлениях, сложившейся

в ходе межличностной коммуникации. Из этого следует, что представления о преступлениях, передающиеся по каналам СМИ, должны быть похожи на представления, воспроизводящиеся в ходе межличностной коммуникации. Однако между ними могут быть и некоторые различия, причиной которых служит направленность сообщений в средствах массовой информации на то, чтобы удивить или шокировать аудиторию.

Кроме того, в теории социальных представлений постулируется, что система социальных представлений — это сложная структура, элементы которой различаются по степени центральности — важности каждого элемента для системы социальных представлений в целом [8]. Центральные элементы системы социальных представлений, которые отвечают за стабильность этой системы, образуют ее ядро. В качестве центральных в исследовании выделяются элементы, которые наиболее часто упоминаются респондентами и имеют наибольшее количество связей с другими элементами [4], [20]. В отличие от центральных, периферические элементы системы социальных представлений не обязательны для системы в целом и упоминаются относительно редко [20].

Поскольку система социальных представлений — сложное образование, она включает в себя менее сложные образования — такие, как социальные установки [16], каузальные схемы и скрипты. Под *скриптами* в данном случае понимается описание последовательности действий, возможных в данной ситуации и направленных на достижение какой-либо цели, а также основных участников ситуации. Скрипты, имеющие форму рассказа, который содержит характеристики персонажей и последовательность событий, являются одной из наиболее распространенных форм повседневного мышления. Например, создание рассказа о преступлении — это важный аспект вынесения решения присяжными [24]. Благодаря скриптам, типу

когнитивных схем, позволяющему определять тип поведенческой ситуации и направление последующего поведения, система социальных представлений может выполнять одну из своих функций [22] — влияние на поведение. Разные элементы скриптов могут занимать как центральное, так и периферическое положение в системе социальных представлений в целом. Включение в систему социальных представлений социальных установок, каузальных схем и скриптов свидетельствует об изменении понимания природы этих образований как возникающих в ходе повседневной коммуникации.

В данном исследовании были реализованы две **основные цели**.

Первой целью было изучение структуры и содержания социальных представлений о преступлениях, передающихся в ходе межличностной коммуникации. Для достижения этой цели были изучены:

- свойства, приписываемые респондентами «преступлению вообще»;
- оценка различных преступлений по нескольким параметрам;
- скрипты убийств.

Для достижения первой цели был использован метод анкетирования.

Вторая цель заключалась в сравнении скриптов преступлений, передающихся в ходе межличностной коммуникации, с одной стороны, и присутствующих в сообщениях СМИ — с другой. Для достижения этой цели были использованы **методы** контент-анализа ([25], [26]) — для детального изучения криминальных новостей и анкетирования — для анализа скриптов преступлений, передающихся в ходе межличностной коммуникации.

Исследование состояло из *трех стадий* (пилотажного исследования и двух этапов основного исследования). На стадии пилотажа для изучения социальных представлений о преступлениях был использован метод дискуссионных групп. Результаты этого этапа исследования уже

были описаны [2], поэтому в данной статье речь пойдет только о двух основных этапах исследования. На основе полученных в пилотажном исследовании результатов были выдвинуты гипотезы, которые были проверены на первом этапе основного исследования с помощью метода анкетирования. На втором этапе основного исследования посредством контент-анализа были проанализированы скрипты преступлений, присутствующие в сообщениях СМИ, после чего было проведено сравнение между ними и скриптами преступлений, передающихся в ходе межличностной коммуникации. Исследование было проведено в 1998–2000 гг.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка. 262 студента российских университетов (РГУ, МВТУ им. Баумана, МГУ им. М.В. Ломоносова) приняли участие в первом этапе исследования. Из них 162 человека заполняли опросник первого типа и 100 человек — опросник второго типа.

Цели. Главными целями первого этапа исследования были выделение основных компонентов определения «преступление вообще», выявление факторов, которые влияют на оценку серьезности и прототипичности преступления, и определение центральных элементов двух скриптов убийства: «заказное убийство» и «бытовое убийство». Под *прототипичностью* в данном случае понималась степень, в которой конкретное преступление являлось ярким примером «преступления вообще».

Методики. На этом этапе исследования были использованы опросники двух типов.

Первый опросник был использован для определения основных свойств, приписываемых «преступлению вообще», направлений описания разных типов преступлений и факторов, влияющих на оценку серьезности и прототипичности преступлений. Этот опросник состоял

из двух частей. Вначале респонденты должны были дать определение термина «преступление», закончив предложение «Преступление — это...», написать список из 10 поступков, которые они расценивают как преступления, и объяснить, почему каждый из поступков попал в этот список. Преступления, помещаемые участниками в список, сравнивались по двум показателям: 1) по общему количеству упоминаний каждого из преступлений всеми респондентами; 2) по среднему рейтингу каждого преступления (он вычислялся только для 10 наиболее часто упоминаемых преступлений). Если респонденты включали преступление в свой список и оценивали его как наиболее серьезное, оно получало рейтинг «1», если как второе по серьезности — то рейтинг «2», наименее серьезному преступлению приписывался рейтинг «10». После этого все оценки определенного преступления, данные респондентами, суммировались и делились на количество упоминаний этого преступления. Кроме того, все преступления были разделены на восемь типов. Количество упоминаний преступлений каждого из типов также было подсчитано. В конце первой части опросника респонденты отвечали на вопросы о взаимосвязи между преступлением, с одной стороны, и нарушением правовых и моральных норм, наказанием, намерением совершить преступление, размером ущерба и типом жертвы (человек или животное) — с другой. После составления списка преступлений респонденты ранжировали 19 преступлений по восьми основаниям. Преступления и основания оценки были выбраны на основе результатов пилотажного этапа исследования.

Второй опросник был использован для определения центральных элементов двух скриптов убийств. Он включал вопросы об одном из двух скриптов — «заказное убийство» или «бытовое убийство». Вопросы касались поведения преступника и жертвы во время соверше-

ния преступления и их индивидуальных характеристик. Большинство вопросов были закрытыми, сопровождающимися перечнем ответов, из которых респонденты должны были выбрать один. В данном случае элемент скрипта оценивался как центральный, если вариант ответа, соответствовавший ему, выбирался не менее $\frac{2}{3}$ респондентов. Однако некоторые вопросы подразумевали оценку черт жертвы и преступника по биполярным 10-балльным шкалам, например, «организованный — неорганизованный». В этом случае центральными элементами скрипта считались черты, средняя оценка которых составляла менее 2,5 или более 7,5 баллов. Варианты ответов и личностных черт были отобраны из историй, рассказанных респондентами в ходе пилотажного исследования. Были созданы два варианта второго опросника. Каждая версия была посвящена только одному из двух скриптов убийства. Каждый из вариантов опросника заполняли 50 человек.

Гипотезы

На основании результатов пилотажного этапа исследования были выделены следующие гипотезы.

Гипотеза 1.1. Определение «преступления вообще» будет включать такие элементы, как:

- совершение действия (намеренного или ненамеренного);
- акция по отношению к человеку, а не к животному;
- нарушение закона и моральных норм;
- нанесение ущерба;
- необходимость наказания.

Гипотеза 1.2. Оценка серьезности преступления будет подвержена влиянию таких факторов, как оценка размера физического, материального и психологического ущерба, вероятности стать участником преступления для самого респондента и граждан России в целом, а также оценка возможности возместить ущерб, нанесенный преступлением. Оценка серьезности преступления бу-

дет коррелировать позитивно с оценкой размера физического, материального и психологического ущерба, наносимого преступлением, и негативно — с возможностью компенсировать ущерб, нанесенный жертве преступления (*гипотеза 1.2а*). Некоторые сложности были связаны с постановкой гипотез, касающихся связи оценок серьезности преступления и вероятности стать участником преступления для самого респондента и граждан России в целом. С одной стороны, респонденты могут оценивать те преступления, участниками которых, с их точки зрения, они могут стать, как более серьезные, чем те, участниками которых они стать не могут (позитивная корреляция), поскольку преступления первого типа будут затрагивать их собственные интересы. То же самое касается и оценки вероятности стать участником преступления для российских граждан, но в меньшей степени (*гипотеза 1.2б*). С другой стороны, люди редко верят в то, что они сами могут стать жертвой катастрофы или преступления, особенно серьезного. Поэтому, скорее всего, оценка вероятности стать участником преступления для респондента будет негативно коррелировать с оценкой серьезности преступления. То же самое будет верно и для оценки вероятности стать участником преступления для граждан России (*гипотеза 1.2в*).

Гипотеза 1.3. Оценка преступности поступка (прототипичности преступления) будет связана с теми же факторами, что и оценка серьезности преступления. Она будет позитивно коррелировать с оценкой размера физического, материального и психологического ущерба и оценкой серьезности преступления и негативно — с возможностью возместить ущерб (*гипотеза 1.3а*). Аналогично оценке серьезности преступления связь оценки прототипичности преступления с оценкой вероятности стать участником преступления для респондента и

для жителей России будет позитивной (*гипотеза 1.3б*) или же, в противовес этому предположению, — негативной (*гипотеза 1.3в*). Основным фактор, влияющий на оценку прототипичности преступления, — оценка серьезности преступления (*гипотеза 1.3г*).

Гипотеза 1.4. Большее количество центральных элементов скриптов убийств будет относиться к описанию совершения преступления, а не к характеристикам жертвы и преступника. Эти характеристики и описание последовательности действий будут специфичны для каждого скрипта.

Результаты

Определение «преступления вообще» и типы преступлений

Для определения того, что такое «преступление вообще», респонденты использовали в основном такие характеристики, как нарушение правовых норм (36 % случаев) и моральных норм (36 %), нанесение ущерба (31 %) и нарушение прав жертвы (17 %).

Кроме того, анализ утверждений, выбранных респондентами, демонстрирует, что они чаще всего соглашались со следующими утверждениями:

совершение преступления — это намеренное или ненамеренное поведение, а не просто намерение: «Совершение преступления подразумевает, что человек намеревался совершить какой-либо поступок и совершил его» (71 %) и «Преступлением может считаться не только намеренное действие, но и действие, совершенное ненамеренно» (16 %);

преступление нарушает моральные нормы: «Преступление — это нарушение любых моральных норм» (39 %) и «Нарушение только некоторых моральных норм может быть названо преступлением» (54 %);

преступление — это нарушение закона: «Преступление — это нарушение любых законов» (44 %), «Нарушение только некоторых законов может быть названо преступлением» (55 %);

преступление должно наказываться: «За преступлением всегда должно следовать наказание» (76 %);

преступление связано с нанесением ущерба: «Преступлением является только тот поступок, который наносит жертве большой ущерб» (17 %) и «Преступлением является любой поступок, наносящий кому-либо ущерб любого размера» (71 %);

жертвой преступления могут являться как человек, так и животное: «Преступление может быть совершено по отношению как к человеку, так и к животному» (87 %).

Анализ списка преступлений показал, что наиболее часто упоминаемым преступлением было убийство, которое одновременно оценивалось респондентами и как наиболее серьезное (156 упоминаний). Изнасилование (122) и кража (112) занимали соответственно второе и третье места. Дальше в порядке убывания располагались терроризм (80), распространение наркотиков (65), ограбление (61), хулиганство (40) и дезинформация, ложь (34). С другой стороны, экологические преступления (33), геноцид (33), получение взятки (32) и развязывание войны (32), хотя и входят в 12 наиболее часто упоминаемых преступлений, занимают в ней последние места. В то же время, если респонденты упоминали геноцид или развязывание войны в качестве преступлений, они оценивали их как серьезные (ранги 3,48 и 3,97 соответственно). С другой стороны, хотя участники часто упоминали кражу, они оценивали ее как менее серьезное преступление (6,31), чем геноцид или развязывание войны.

Для дальнейшего анализа все преступления были разделены на восемь групп, была подсчитана частота упоминания преступлений, относящихся к каждой из них. Наиболее часто упоминались такие группы преступлений, как преступления против жизни или здоровья одного или нескольких человек (убийство, нанесение телесных повреж-

дений, хулиганство и т.д.) (349 упоминаний). Преступления против собственности одного или нескольких человек (318) (кража, ограбление, мошенничество, вымогательство и другие) — на втором месте. Третье место занимали преступления против здоровья большого числа людей (268) (терроризм, геноцид, развязывание войны, экологические преступления, распространение оружия и наркотиков и др.). Сексуальные преступления (188) (изнасилование, развращение малолетних и др.) вместе с «преступлениями против моральных норм» (177) (ложь, оскорбление, предательство и др.) упоминались реже. Наиболее редко упоминались должностные преступления (88) (получение взятки, казнокрадство), преступления, связанные с оказанием психологического давления (84) (например, шантаж), преступления против собственности большого числа людей (80) (неуплата налогов, построение финансовых пирамид и др.) и преступления против государства (35) (шпионаж, разглашение государственной тайны).

Анализ объяснений того, почему каждый из поступков был отнесен к тому или иному преступлению, продемонстрировал, что наиболее часто упоминающимся критерием было нанесение ущерба (685 упоминаний). Наиболее часто упоминающимся типом ущерба был физический (311), реже — психологический (188) или материальный (131). Иногда упоминался такой критерий, как невозможность возместить нанесенный ущерб (9). Кроме того, для описания преступлений респонденты использовали такие критерии, как нарушение закона (88), моральных норм (122), прав жертвы (98), мотивация преступника (77) и характеристики жертвы (113). Среди характеристик жертвы наиболее часто упоминалось большое число пострадавших в преступлении (63). Наименее часто упоминались особенности преступления (29), например: «это преступление широко распространено»,

«совершение преступления — не единственный способ достижения цели».

*Оценка серьезности
и прототипичности преступления*

Были найдены средние оценки серьезности и прототипичности 19 преступлений, размера физического, психологического и материального ущерба, возможности компенсировать нанесенный ущерб, а также вероятности для респондента и жителей России стать участниками преступления. Затем между этими измерениями был вычислен коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты показали, что респонденты оценивали преступления против жизни и здоровья людей (убийство одного или нескольких человек (средняя оценка 3,75), геноцид (4,27), терроризм (5,19), развязывание войны (5,39), изнасилование (5,51), нанесение тяжелых телесных повреждений (6,48), распространение наркотиков (8,32) и оружия (9,63) как более серьезные, чем имущественные или должностные преступления (кража, ограбление, казнокрадство, создание финансовых пирамид, уклонение от уплаты налогов, получение взятки), преступления против государства (разглашение государственной тайны) и экологические преступления (в том числе убийство животного). Интересно, что эти преступления связываются с нанесением не только физического, но и большого психологического ущерба. Это говорит о том, что, с точки зрения респондентов, эти типы ущерба взаимосвязаны.

Результаты исследования демонстрируют, что существует сильная позитивная корреляция между оценкой серьезности преступления и оценками физического (0,867) и психологического (0,774) ущерба. Кроме того, существует сильная негативная связь между оценкой серьезности преступления и оценками возможности компенсировать ущерб (–0,809) и стать участником преступления для респондента (–0,781). Относительно слабые корреляции были об-

наружены между оценкой серьезности преступления и оценками материального ущерба (0,067) и вероятности стать участником преступления для жителей России (–0,460).

Такие же результаты были обнаружены и относительно оценки прототипичности преступлений (преступности поступка). Выявлена сильная позитивная корреляция между оценкой прототипичности преступления и оценками психологического (0,751) и физического ущерба (0,886), а также сильная негативная — между оценкой прототипичности преступления и оценками вероятности для респондента стать участником преступления (–0,758) и вероятности возместить ущерб (–0,826). Наиболее сильная позитивная корреляция была обнаружена между оценками серьезности и прототипичности преступления (0,981).

Скрипты убийств

Результаты анализа скриптов убийств показаны в таблице. В соответствии с гипотезой 1.4, большинство центральных элементов скриптов относятся к описанию совершения преступления, а не к индивидуальным характеристикам преступника и жертвы.

Например, «бытовое убийство» включает 17 центральных элементов, из которых только 5 составляют характеристики преступника и жертвы, а остальные 12 относятся к описанию совершения преступления. Аналогичные результаты связаны и со скриптом «заказное убийство», в котором из 22 центральных элементов 13 относятся к совершению преступления и 9 — к характеристикам преступника и жертвы.

Обсуждение результатов

Результаты первого этапа исследования подтвердили гипотезы 1.1, 1.2а, 1.2в, 1.3а, 1.3в, 1.3г, 1.4.

Во-первых, они подтвердили предположение, что основными параметрами определения «преступления вообще» являются совершение действий, нарушение моральных и правовых норм, а

Центральные элементы скриптов убийств и частота их появления

Центральные элементы скриптов убийств	Частота появления
Бытовое убийство	
<i>Описание совершения преступления</i>	
Место совершения преступления — жилой дом	82 %
Преступник и жертва знакомы друг с другом	86 %
Во время совершения преступления, по крайней мере, один из участников пьян	92 %
Во время совершения преступления пьяны оба участника	74 %
Преступление случается спонтанно, т.е. преступник не планирует его совершение	86 %
Жертва не чувствует приближения опасности	78 %
Преступлению предшествует ссора между преступником и жертвой	84 %
Преступник наносит удар первым	80 %
Орудием преступления может служить любой бытовой предмет	78 %
После совершения преступления преступник пытается скрыть следы преступления	68 %
После совершения преступления преступник пытается скрыться с места преступления	72 %
В результате преступник, как правило, оказывается в тюрьме	80 %
В результате преступник, как правило, раскаивается в совершении преступления	76 %
<i>Характеристики преступника и жертвы</i>	
Недостаток денег (преступник)	94 %
Узкие интересы (преступник)	1,03 балла
Обидчивость (преступник)	2,42 балла
Наличие семьи (жертва)	68 %
Широкие интересы (жертва)	7,49 баллов
Заказчик преступления знаком с жертвой	90 %
Заказной убийца не знаком с жертвой	92 %
Преступление планируется	100 %
Заказное убийство	
<i>Описание совершения преступления</i>	
Жертва предупреждена о том, что ее собираются убить	70 %
Во время убийства жертва выходит из дома	72 %
Оружие преступления — револьвер	86 %
Во время совершения преступления преступник собран	8,75 баллов
Во время совершения преступления преступник четко осознает происходящее	2,04 балла
Основная причина покушения — профессиональная деятельность жертвы	84 %
После совершения преступления преступник пытается скрыть его следы	68 %
После совершения преступления преступник пытается скрыться с места преступления	96 %
В результате преступник, как правило, остается на свободе	96 %
В результате преступник, как правило, не раскаивается в содеянном	89 %
<i>Характеристики преступника и жертвы</i>	
Мужчина (преступник)	90 %
Не имеет семьи (преступник)	90 %
Хладнокровный (преступник)	1,88 балла
Терпеливый (преступник)	2,92 балла
Самоуверенный (преступник)	2,3 балла
Организованный (преступник)	1,95 балла
Жестокый (преступник)	7,84 балла
Имеет семью (жертва)	98 %
Обеспечен (жертва)	98 %

также прав жертвы, нанесение ущерба и необходимость наказания.

Первый важный параметр определения преступления связан с признанием того, что преступление — это поведенческий акт, т.е. намерение совершить преступление не является преступлением как таковым. Наличие этого параметра следует из утверждений, выбранных респондентами, согласно которым преступление — это, чаще всего, намеренные или ненамеренные действия.

Второй важный параметр определения преступления — это нанесение ущерба. Его значимость для определения преступления в целом подтверждается следующими результатами. Участники использовали этот параметр для определения «преступления вообще» и для описания различных типов преступлений. Они соглашались с утверждениями о том, что преступление наносит ущерб любого размера и отвергали утверждение, что преступление может не нанести ущерба. Респонденты выделяли три типа ущерба: физический, материальный и психологический. Хотя, описывая разные виды преступлений, они использовали разные типы ущерба, физический ущерб упоминался наиболее часто. С точки зрения респондентов, преступления различаются в зависимости от типа ущерба, наносимого преступником. Например, убийство связано с нанесением физического, а изнасилование — психологического ущерба.

Третий важный параметр определения преступления — это нарушение моральных и правовых норм. Важность этого критерия подтверждается результатами контент-анализа определения «преступления вообще», выбранными респондентами утверждениями, а также использованием антизаконности как причины для отнесения поступка к преступлению. Значимость нарушения моральных норм для определения преступления следует из того, что респонденты относили к преступлениям поступки, которые обычно связываются с на-

рушением моральных норм, например, ложь или оскорбление. Кроме того, существует косвенное подтверждение важности нарушения моральных норм для определения преступления. Оно ясно проявлялось в том, что, объясняя, почему поступок был отнесен к преступлениям, респонденты довольно часто упоминали мотивацию преступника (например, преследование личных целей, желание причинить боль или разрушить, месть, психическое заболевание) и особенности жертвы (например, беспомощность, невинность в преступлении). Иногда ссылки на характеристики жертвы и мотивацию преступника сопровождались указанием на жестокость преступления. Вероятно, что и в других случаях, подчеркивая, что основным мотивом действий преступника было преследование собственных интересов, месть или злость, респонденты апеллировали не к закону, а к нарушению моральных норм, в соответствии с которыми эти мотивы оцениваются как «плохие».

Четвертый параметр определения преступления — это необходимость наказания преступника. Важность этого параметра следует из того факта, что большинство респондентов признавали необходимость наказания за все или, по крайней мере, некоторые преступления, хотя в реальности преступления наказываются не всегда.

Последний упомянутый в гипотезе параметр определения преступления — это жертва преступления — человек или животное. С одной стороны, результаты первого этапа исследования демонстрируют, что критерий «причинение ущерба любому живому существу» для определения преступления использовался респондентами редко. Кроме того, большинство деяний, занесенных в списки преступлений, могут быть совершены по отношению к человеку, и только два из них — экологические преступления и убийство животных — к животным. С другой стороны, когда респондентов напрямую спрашивали о

том, может ли животное быть жертвой преступления, большинство участников выбирали утверждение, что жертвой преступления может быть как человек, так и животное. Возможно, действия против животного являются важным основанием для определения преступления, однако этот параметр не так легко воспроизводится респондентами, как действия против человека, поскольку реже встречается в их опыте. Если это так, то этот параметр должен чаще встречаться в определениях преступления, данных защитниками природы, чем в определениях людей, не имеющих отношения к подобной деятельности.

Помимо упомянутых в гипотезе параметров описания преступления данные первого этапа исследования добавили еще один — нарушение прав жертвы, значимость которого следует из объяснений респондентов, почему они включили в список преступлений каждый из проступков.

Кроме определения преступления в целом, результаты первого этапа исследования позволили выделить факторы, связанные с оценкой серьезности и прототипичности преступления. Результаты демонстрируют, что оценка серьезности преступления позитивно связана с оценкой размера физического и психологического ущерба, и негативно — с возможностью возместить нанесенный ущерб (гипотеза 1.2а). Интересно, что объем материального ущерба слабо связан с оценкой серьезности преступления. Это заключение соответствует тому факту, что в составленных респондентами списках преступления против собственности большого числа людей упоминаются редко. А наиболее часто встречающееся преступление против собственности — кража — занимает только третье место после убийства, связанного с причинением физического ущерба, и изнасилования, связанного с причинением психологического и физического ущерба.

Из двух противоположных гипотез 1.2б и 1.2в полученные результаты подтверждают гипотезу 1.2в, в соответствии с которой оценка вероятности для респондента стать участником преступления негативно связана с его оценкой серьезности преступления. Это заключение соответствует результатам исследования атрибуции ответственности, которые свидетельствуют о нежелании людей поверить, что они могут пострадать случайно, не заслужив того. Подобная, хотя и более слабая, связь была обнаружена и в случае оценки вероятности того, что российские граждане станут участниками преступления. Возможно, что это позволяет респондентам верить в справедливый и безопасный мир, где катастрофы и преступления случаются относительно редко и невинный человек может жить спокойно. Второе возможное объяснение этого феномена связано с тем, что преступление подразумевает совершение редко встречающегося уникального действия. А если какое-то действие совершается достаточно часто, оно становится неизбежным злом и одновременно перестает быть в сознании людей преступлением.

Основным фактором, влияющим на оценку прототипичности преступления, является оценка его серьезности (гипотеза 1.3г). Кроме того, оценка прототипичности преступления сильно связана с оценкой размера психологического и физического ущерба, возможности возместить этот ущерб (гипотеза 1.3а) и вероятности, что респондент может стать участником преступления (гипотеза 1.3в).

Интересно, что оценка серьезности преступления, полученная в результате анализа списков преступлений, составленных респондентами, только частично соответствует той, которая была получена посредством оценки готового списка преступлений. В соответствии с результатами, полученными с помощью обеих методик, наиболее прототипичным и серьезным преступлением считается убийство, а создание финансовых

пирамид и неуплата налогов оцениваются как относительно несерьезные и непрототипичные преступления. Однако между этими результатами существуют и различия. Создавая список преступлений, респонденты чаще всего выделяли преступления, наносящие физический, психологический или материальный ущерб небольшому числу людей (убийство, изнасилование, кража), как более серьезные, чем преступления, наносящие физический ущерб большому числу людей (геноцид, развязывание войны, терроризм). С другой стороны, оценивая перечень из 19 преступлений, они в качестве наиболее серьезных указывали именно преступления, наносящие физический ущерб, вне зависимости от числа жертв (как убийство, так и терроризм, геноцид, развязывание войны).

Эти результаты порождают два вопроса: как связаны между собой легкость воспроизведения примера и его прототипичность? и что измеряли эти две методики? Списки преступлений, составленные самими респондентами, включали примеры преступлений, которые им было легко вспомнить. Но когда респонденты оценивали готовый перечень преступлений, они ранжировали их по прототипичности и серьезности вне зависимости от легкости их воспроизведения. Иначе говоря, для того чтобы быть прототипичным, пример преступления не обязательно должен легко воспроизводиться. Это означает, что прототипичность и легкость воспроизводства — суть разные измерения оценки преступления.

В соответствии с гипотезой 1.4 два скрипта убийства («бытовое убийство» и «казачье убийство») включают как разные индивидуальные черты преступника и жертвы, так и разную последовательность событий. Это означает, что социальные установки по отношению к разным типам убийств, жертв и преступников отличаются друг от друга, и поэтому трудно измерять социальные установки по отношению к убийству, преступнику или жертве вообще. Веро-

ятно, что когда мы пытаемся измерить социальные установки по отношению к различным типам преступлений (убийству вообще, хулиганству вообще), мы измеряем социальные установки по отношению к тому примеру этого преступления, который, по оценкам респондентов, наиболее прототипичен.

Почти все элементы описания того, как совершались преступления, являются центральными, чего нельзя сказать об индивидуальных чертах преступника и жертвы. Однако важность индивидуальных черт преступника и жертвы зависит от запланированности преступления. Например, черты килера, который планирует совершение преступления, выступают в качестве центральных чаще, чем черты преступника, совершившего «бытовое убийство», который не планирует совершение преступления. Тот факт, что индивидуальные особенности преступника и жертвы выступают в качестве центральных элементов скрипта реже, чем элементы описания совершения преступления, может указывать на то, что люди редко формируют полные представления не только о преступнике вообще, но и о преступнике, совершившем определенное преступление.

Один из важных вопросов, посвященных скриптам преступлений, связан со степенью распространенности скриптовой структуры для описания преступлений. По-видимому, скрипты являются одной из основных частей структуры представлений о преступлениях. Даже представления об убийстве — одном из наиболее легко определяемых преступлениях — частично состоят из скриптов. Для преступлений, которым труднее дать общее определение, например, для хулиганства, скриптовая структура нужна в большей степени, чем для убийства. Действительно, отвечая в пилотажном исследовании на вопрос «Что такое хулиганство?», респонденты перечисляли специфические поведенческие акты (разбить окно, оскорбить человека в автобусе), но не использовали

коротких общих определений типа «Хулиганство — это...».

Более сложным является вопрос о количестве скриптов, использующихся для определения каждого преступления. В ходе пилотажного исследования [2] было найдено три скрипта убийства: «бытовое убийство», «заказное убийство» и «убийство при ограблении». Однако люди редко непосредственно сталкиваются с убийством. Возможно, что респонденты предложили бы больше скриптов для описания чаще встречающихся преступлений.

Первая стадия исследования была посвящена изучению тех социальных представлений о преступлениях, которые существуют в межличностной коммуникации. Но в соответствии с теорией социальные представления передаются как в ходе межличностного общения, так и в процессе воздействия СМИ. Поэтому второй этап исследования был посвящен изучению скриптов убийств, содержащихся в сообщениях СМИ, и их сравнению со скриптами, передающимися в ходе межличностной коммуникации.

ВТОРОЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал. Для исследования скриптов убийств в сообщениях СМИ из 120 выпусков криминальных новостей, идущих по четырем каналам российского телевидения, были выбраны 33 репортажа о бытовых убийствах и 39 — о заказных убийствах.

Цели. Целями второго этапа исследования были анализ скриптов убийств, содержащихся в сообщениях СМИ, и определение степени подобия между ними и скриптами убийств, передающихся в ходе межличностной коммуникации.

Методика и процедура

Для анализа новостей был использован метод контент-анализа. Схема контент-анализа включала четыре блока категорий: особенности преступника,

особенности жертвы, последовательность событий и результат преступления для преступника и жертвы. Среди характеристик преступника и жертвы выделялись как социодемографические (возраст, пол, профессия, семейное положение, состояние здоровья, совершение преступлений в прошлом), так и психологические (черты характера, способности, хобби, образ жизни, отношение между жертвой и преступником) характеристики, а также внешний вид. Последовательность событий была специфичной для скрипта, для ее описания выделялись категории, относящиеся к тому, как происходило преступление, готовилось оно или нет, пытались ли преступники замести следы и т.д. В качестве результатов для преступника и жертвы указывалось, остались ли они живы, какой ущерб им нанесен и понес ли преступник наказание.

Гипотезы

На втором этапе исследования были сформулированы две гипотезы.

Гипотеза 2.1. Скрипты преступлений, содержащиеся в телевизионных криминальных новостях, подобны скриптам преступлений, передающимся в ходе межличностной коммуникации; это означает, что центральные элементы скриптов «заказное убийство» и «бытовое убийство», передающихся в ходе межличностной коммуникации, будут схожи с аналогичными скриптами, содержащимися в криминальных новостях.

Гипотеза 2.2. Большинство элементов скриптов «заказное убийство» и «бытовое убийство», содержащихся в криминальных новостях, будет относиться к описанию последовательности событий, а не к особенностям преступника и жертвы.

Результаты

Контент-анализ телевизионных криминальных новостей позволяет выделить некоторые особенности скриптов убийств, содержащихся в сообщениях массовой коммуникации.

Полученные при анализе криминальных новостей результаты частично соответствуют результатам первого этапа исследования и частично подтверждают гипотезы 2.1 и 2.2. Большинство центральных элементов обоих скриптов относится к процессу совершения преступления и его последствиям.

Большая часть центральных элементов скрипта «бытовое убийство» одинакова в межличностной коммуникации и средствах массовой информации и относится к описанию последовательности событий. Однако эта закономерность не верна для скрипта «заказное убийство». Наряду с этим существуют некоторые различия между скриптами, передающимися в ходе межличностной коммуникации, и скриптами, содержащимися в криминальных новостях: некоторые элементы, которые были центральными в первых, редко появлялись в криминальных новостях, причем большинство пропущенных элементов относилось к психологическому состоянию преступника и жертвы во время совершения преступления и к их личностным чертам или причинам преступления, которые нельзя наблюдать непосредственно. Так, в скрипте «бытовое убийство» в сообщениях СМИ редко упоминались такие элементы, как «преступник не планировал совершить преступление», «во время совершения преступления жертва не чувствует опасности», «после совершения преступления убийца пытается скрыть следы преступления» и «в результате преступник, как правило, раскаивается в совершении преступления».

Тенденция упускать элементы, связанные с психологическим состоянием и личностными чертами преступника и жертвы, еще более заметна в случае скрипта «заказное убийство». В криминальных новостях были упущены все элементы, связанные с намерениями или психологическим состоянием преступника или жертвы («килер не знаком с жертвой», «заказчик преступления зна-

ком с жертвой», «преступление было запланировано», «жертва была предупреждена о том, что ее собираются убить», «в ходе совершения преступления килер собран и четко осознает происходящее», «основная причина заказного убийства — профессиональная деятельность жертвы», «после совершения преступления килер пытается скрыть следы преступления», «в результате преступления, как правило, не раскаивается в совершении преступления»).

В соответствии с гипотезой 2.2 многие характеристики преступника и жертвы занимали в криминальных новостях центральное положение. В отличие от скриптов, передающихся в ходе межличностной коммуникации, этими особенностями были не личностные черты, суждения о которых требуют выводов, а легко доступные для наблюдения социодемографические характеристики (пол и профессия).

Обсуждение результатов

Результаты второго этапа исследования частично подтверждают гипотезу 2.1. Действительно, большинство центральных элементов скрипта «бытовое убийство» были одинаковы в скриптах, передающихся в ходе межличностной коммуникации и в криминальных новостях. Но, как показывают результаты, между этими скриптами существуют и некоторые различия. Так, в криминальных новостях часто упоминались элементы, касающиеся наблюдаемого поведения преступника и жертвы, и редко — их психологического состояния.

Первая возможная причина исключения из криминальных новостей описания психологического состояния и личностных особенностей преступника и жертвы — требования жанра телевизионных новостей, которые передаются с места преступления при нехватке времени, что не дает журналисту возможности подробно представить и описать личность преступника и жертвы. Вторая причина — цель, которую пресле-

дуют создатели новостей: дать возможность аудитории быстро получить полную и правдивую информацию о произошедшем событии. Вероятно, скрипты убийств, существующие в документальных или художественных фильмах, включают более полное описание намерений и характеристик преступника и жертвы.

Частичное подтверждение гипотезы 2.2 связано с тем фактом, что большинство центральных элементов скрипта «бытовое убийство», содержащегося в криминальных новостях, касаются описания совершения преступления и его последствий. Эта закономерность не проявилась в случае «заказного убийства», поскольку большинство элементов этого скрипта было связано с психологическим состоянием преступника и жертвы.

ВЫВОДЫ

Результаты первого и второго этапов исследования позволяют восстановить четырехуровневую структуру социальных представлений о преступлениях в межличностной коммуникации.

Первый уровень этой структуры включает направления описания преступления вообще (поступок, совершенный намеренно или ненамеренно, причиняющий ущерб человеку или животному, нарушающий правовые и моральные нормы, а также права жертвы и требующий наказания). То, насколько ярким примером «преступления вообще» является данное деяние (прототипичность преступления), определяется такими факторами, как оценка его серьезности, размер наносимого им физического и психологического ущерба, возможность возместить ущерб и вероятность, что сам респондент может стать участником преступления. Наиболее прототипичное преступление — это редко встречающееся преступление, причиняющее физический или психологический ущерб, который трудно возместить.

Второй уровень включает критерии, на основании которых преступления отличаются друг от друга: вид ущерба (физический, материальный или психологический), число жертв (одна, несколько или много), размер ущерба, характеристики жертвы и мотивация преступника, а также особенности преступления.

Третий уровень включает отдельные преступления (убийство, хулиганство, воровство и др.).

Четвертый уровень структуры представлений о преступлениях состоит из скриптов каждого из преступлений, содержащих характеристики преступника и жертвы, а также описание последовательности развития событий.

Наиболее важный вопрос касается связи между скриптами преступлений, передающимися в ходе повседневной коммуникации, с одной стороны, и содержащимися в сообщениях СМИ — с другой. В целом скрипты, существующие в межличностной коммуникации, включают в себя каузальные схемы, связывающие психологическое состояние и черты человека с его внешним поведением. Криминальные новости не объяснительны, а описательны, и поэтому личностные характеристики и психологические состояния преступников и жертв упоминаются в них редко. Однако многие документальные и художественные фильмы или детективные романы и повести могут включать в себя каузальные схемы и таким образом служить источниками скриптов преступлений, передающихся в ходе межличностной коммуникации.

Отдельного исследования требуют и такие вопросы, как обыденная классификация преступлений, прототипичность разных скриптов одного преступления и зависимость оценки серьезности и прототипичности разных преступлений от ценностей респондентов, мотивов преступника и групповой принадлежности преступника и жертвы.

1. Гайнер М.Л. Правосознание подростков. М.: Магистр, 1998.
2. Гулевич О.А. Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как системы социальных представлений о преступлении // Мир психологии. 1999. № 3. С. 120–131.
3. Ефремова Г.Х. и др. Средства массовой информации и судебная власть в России. М.: Фонд защиты гласности, 1998.
4. Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.
5. Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников. Стенограммы игровых коллегий присяжных. 1993 (рукопись).
6. Отношение к проблеме смертной казни: исследование, проведенное фирмой «Validata Yanklovich» по заказу общества против смертной казни и пыток «Право на жизнь» / Сост. Н.М. Волькенштейн, В.В. Коган-Ясный. М.: Б.н., 1994.
7. Трушков И.Н. Социокультурные особенности отношения к закону: Автореф. канд. дис. СПб., 1995.
8. Abrie J.C. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in situation of interactions // Farr R.M., Moscovici S. (eds). Social representations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 168–183.
9. Bohner G. et al. Rape myths as neutralizing cognitions: Evidence for a causal impact of anti-victim attitudes on men's self-reported likelihood of raping // Europ. J. Soc. Psychol. 1998. V. 28. P. 257–268.
10. Borg M.J. Vicarious homicide victimization and support for capital punishment: A test of Black's theory of law // Criminology. 1998. V. 36. P. 537–567.
11. Ciricos T., Hogan M., Gertz M. Racial composition of neighborhood and fear of crime // Criminology. 1997. V. 35. P. 107–129.
12. Diaz-Veizades J. et al. The measurement and structure of human rights attitudes // J. Soc. Psychol. 1995. V. 135. N 3. P. 313–328.
13. Farr R. Social representations: A French tradition of research // J. Theory Soc. Behav. 1987. V. 17. N 4. P. 343–369.
14. Fishman G., Mesch G.S. Fear of crime in Israel: A multidimensional approach // Soc. Sci. Quart. 1996. V. 77. P. 76–89.
15. Haghighi B., Lopez A. Gender and perception of prisons and prisoners // Criminal Justice System. 1998. V. 26. P. 453–464.
16. Jaspars J., Fraser C. Attitudes and social representations // Farr R.M., Moscovici S. (eds). Social representations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 101–123.
17. Jovchelovitch S. In defense of representations // J. Theory Soc. Behav. Oxford, 1996. V. 26. N 2. P. 121–135.
18. Krahe B. Social psychological issues in the study of rape // Stroebe W., Hewstone M. (eds). European Review of Social Psychology. 1991. V. 2. Ch. 10. P. 279–309.
19. McDonald J.M., Alpert G.P. Public attitudes toward police pursuit driving // J. Criminal Justice. 1998. V. 26. P. 185–194.
20. Moliner P. A two-dimensional model of social representations. // Europ. J. Soc. Psychol. 1995. V. 25. N 1. P. 27–40.
21. Moscovici S. Answers and questions // J. Theory Soc. Behav. Oxford, 1987. V. 17. N 4. P. 513–529.
22. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Farr R.M., Moscovici S. (eds). Social representations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 3–70.
23. Parker K.D. et al. Fear of crime and the likelihood of victimization: A biethnic comparison // J. Soc. Psychol. 1993. V. 133. P. 723–732.
24. Pennington N., Hastie R. Explaining the evidence: Tests of the story model for juror decision making // J. Person. and Soc. Psychol. 1992. V. 62. P. 189–206.
25. Pritchard D., Hughes D. Patterns of deviance in crime news // J. Communication. 1997. V. 47. P. 49–67.
26. Romer D., Jamieson K.H., de Coteau N.J. The treatment of persons of color in local television news: Ethnic blame discourse or realistic group conflict? // Communication Research. 1998. V. 25. P. 286–305.
27. Rouquette M.-L. Social representations and mass communication research // J. Theory Soc. Behav. Oxford, 1996. V. 26. N 2. P. 221–231.
28. Spini D., Doise W. Organizing principles of involvement in Human rights and their social anchoring in value priorities // Europ. J. Soc. Psychol. 1998. V. 28. P. 603–622.
29. Staerke C., Clemence A., Doise W. Representation of human rights across different national contexts: The role of democratic and non-democratic populations and governments // Europ. J. Soc. Psychol. 1998. V. 28. P. 207–226.
30. Thurstone L.L. A law of comparative judgement // Psychol. Rev. 1927. V. 34. P. 273–286.
31. Vogel B.L. Perceptions of crime seriousness in the African-American community: Exploring the presence of consensus // J. Criminal Justice. 1998. V. 26. P. 227–236.
32. Williot S., Griffit C. Building your own lifeboat: Working-class male offenders talk about economic crime // Brit. J. Soc. Psychol. 1999. V. 38. P. 445–460.

Поступила в редакцию 2.III 2001 г.